

Институтка. Любовь благородной девицы

1879 год, Одесса. Лиза Журавская — воспитанница Института благородных девиц. Душу ее тревожат странные ночные кошмары. В них она каждый раз тонет в болоте вместе с незнакомцем. Спустя время Лиза знакомится с артиллерийским офицером графом Раевским. Тем самым незнакомцем из ее снов. Любовь вспыхивает как спичка. Но граф женат. И более того — супруга знает о «полюбовнице». Обезумевшая графиня организывает похищение Лизы и... самого графа Раевского. Ревность — лишь повод, который давно искала графиня, чтобы воплотить кошмары институтки в жизнь...

Ольга Вяземская

ИНСТИТУТКА

Любовь благородной девицы

ОЛГА ВЯЗЕМСКАЯ

ИНСТИТУТКА

Любовь благородной
девицы

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8759-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

1879 рік, Одеса.

Ліза Журавська — вихованка інституту шляхетних дівичь. Душу її тривожать дивні нічні кошмари. У них вона щоразу тоне в болоті разом із незнайомцем. Через певний час Ліза знайомиться з артилерійським офіцером графом Раєвським. Саме з тим незнайомцем з її снів. Кохання спалахує, як сірник. Але граф одружений. І більше за те — дружина знає про «полюбовницю». Знавісіла графиня організовує викрадення Лізи і... самого графа Раєвського. Ревнощі — лише привід, який давно шукала графиня, щоб утілити кошмари інститутки в життя...

Вяземская О.

В99 Институтка. Любовь благородной девицы : роман / Ольга Вяземская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 288 с.

ISBN 978-617-12-8626-9

1879 год, Одесса.

Лиза Журавская — воспитанница института благородных девиц. Душу ее тревожат странные ночные кошмары. В них она каждый раз тонет в болоте вместе с незнакомцем. Спустя время Лиза знакомится с артиллерийским офицером графом Раевским. Тем самым незнакомцем из ее снов. Любовь вспыхивает, как спичка. Но граф женат. И более того — супруга знает о «полюбовнице». Обезумевшая графиня организывает похищение Лизы и... самого графа Раевского. Ревность — лишь повод, который давно искала графиня, чтобы воплотить кошмары институтки в жизнь...

УДК 821.161.1(477)

© Лесовикова Е. Э., 2021

© DepositPhotos.com / dariakom, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава первая

Уже не в первый раз ей снился этот сон. Высокий, просвеченный солнцем лесок, песчаная дорожка, ведущая к невидимому отсюда тракту. Шумит ветер, предсказывая скорый закат. По дорожке едет бричка, но кто ею правит, неясно... Вот слева показалась поляна — она так обрадовалась возможности прогуляться, размять занемевшие ноги...

— Таки не торопись, красавица, — голос неведомого спутника был полон яда, — не торопись, не поляна это, пески зыбучие. Не будет тебе спасения, коли решишь ты прогуляться по полянке этой зеленой...

Голос утих, заглушенный то ли ее страхом, то ли ветром, расшумевшимся не на шутку. Но страх остался. Страх не за себя — за того самого, единственного, кто, похитив ее сердце, вдруг исчез из жизни. Она отчетливо помнила, что обещал вернуться во что бы то ни стало, только не могла вспомнить, когда же.

— Господи, — прошептала она, — сделай так, чтобы он вернулся невредимым.

И сон этот видела она не в первый раз, и не в первый раз молила, но вот того, о ком была ее молитва, никогда не видела, даже во сне. Лишь помнила, что без него ей и жизни нет.

— Журавская, дружочек, проснись...

Она в ответ лишь застонала. Сон не отпускал, держал липкими лапами, уволакивал в пучину.

— Лиза! Лиза, проснись!

Тамара Накашидзе неласково трясла Лизу за плечо. Наконец та открыла глаза.

— Что? Что случилось?

— Ты стонала. Так стонала...

Девушка села на постели и прижала ладони к вискам — голова болела, сердце колотилось, круги перед глазами медленно гасли.

— Опять тот же сон, опять...

— Бедняжка... — подруга погладила Лизу по плечу.

Серое утро властно входило в свои права, освобождая Лизу от кошмара. Вот в дальнем конце коридора зазвучали шаги

и пронзительный голос наставницы второго класса разогнал сонную тишину:

— Медам, доброе утро! Пора вставать!

— Ну почему у синявок такие противные голоса? — Тамара поморщилась.

Конечно, противные голоса были вовсе не у всех синявок. Второму классу не повезло больше, чем всем остальным: мадам Орловская некогда мечтала об оперной карьере и ее колоратурное сопрано немало досаждало всему институту.

Классной же дамой у выпускниц была мадам Рощина — умная и весьма терпеливая особа, не так давно окончившая Смольный институт, вышедшая замуж и вместе с мужем переехавшая сюда, в теплую и гостеприимную Одессу. Однако и ее голос, мягкий и спокойный, по утрам казался пронзительным, как паровозный гудок. И таким же безжалостным.

— Странно, что мадам Орловская уже пришла.

— Что ж тут странного?

— Милочка, она же приходит в дортуары самой последней из классных наставниц. А вот наша мадам что-то запаздывает...

Девушки стали неохотно покидать постели. Какими бы узкими ни были кровати, какими бы тонкими ни были подушки, но это все же казалось неким подобием уютного гнездышка, где можно до утра спрятаться от муштры, строгого распорядка и придирчивых взглядов классных наставниц. Хотя вот насчет придирчивых взглядов...

Лиза усмехнулась: это было не о мадам Рощиной. Та, вне всякого сомнения, видела все, что вытворяли ее воспитанницы, — видела, понимала и всегда стояла за девочек горой. Да и понятно — Настенька Энгельгардт, а ныне мадам Рощина, как уже говорилось, окончила Смольный институт не больше десяти лет назад. Должно быть, те годы были еще вполне живы в ее памяти, как были живы и желания, которые обуревали ее и ее подруг в годы учебы, особенно в выпускном классе. А уж о том, как Настенька влюбилась в капитана Рощина, как трижды сбегала к нему, как оканчивала институт под опекой самой императрицы, — о, об этом до сих пор девушки перешептывались в умывальнях. Время пошло на пользу милой Настеньке, она стала менее дерзкой и резкой, научилась идти на компромисс, но осталась

дамой решительной и не медлящей ни секунды в тех случаях, когда дело считала правым.

«Господи, да нам молиться надо на нее, а не синявкой обзывать, — покаянно подумала Лиза. — Сколько раз она выгораживала нас, сколько раз защищала! Сколько раз вместе с нами выслушивала нотации госпожи начальницы. И при этом считает нас отличными ученицами, не раз говорила, что лучших выпускниц у нее еще никогда не было... Забавно, но то же самое уже дважды повторила сама госпожа Чикуанова, а ее слово ох как много стоит! Не зря же она сан-фасон вхожа в Опекунский совет и даже, сказывают, не раз была принята императрицей Марией Федоровной... Говорят, наша Маман¹ неоднократно обсуждала с ней насущные потребности института, хотя ах как далека наша теплая Одесса от столицы, а у Опекунского совета никогда отказа не знала. А мы их все синявками обзываем да прозвища нелепые даем...»

— Что поделать, — пожала плечами Тамара, — дети жестоки.

— Я что, вслух рассуждала?

— Да, душа моя. Вслух.

— Ну и ладно, бог с ним. Однако, Накашидзе, мы-то уже не дети. Семнадцать — это тот возраст, когда хоть крохи разума, но должны все же появляться в головах.

— Ты права, душенька. Крохи разума, как верно сказано. Но давай уже будем умываться. А не то и всех сил мадам Рощиной не хватит, чтобы нас от наказания спасти.

— Ты права, душенька. — Лиза встала.

В дортуаре было привычно свежо, но за долгие восемь лет девушки уже привыкли и к ощутимым сырости и холоду зимой, и к не менее ощутимой жаре летом. Тамара набросила на плечи накидку, которая в институте заменяла и халат, и шлафрок. Удивительный, непередаваемо унылый цвет ткани, серо-сиреневый, навевал мысли о бесконечных днях сырой бесснежной зимы, однако та же мадам Рощина смогла убедить начальницу, и девушкам было дозволено не только сделать накидки подлиннее, но и украсить их вязаными цветами и лентами, сообразуясь с личным вкусом каждой выпускницы. При этом, конечно, все делалось собственными руками.

Лиза завязывала ленты и вспоминала, что вот с «собственными руками» вышел некий конфуз. Преподавательница домоводства мадам

Ланская была умница и рукодельница. Одно плохо — учить не умела совершенно. Она показывала только один раз, а потом все чаще сердилась и кричала, что более безруких девиц свет еще не рождал. Терпения показать второй раз, даже как вдевать нить в иглу, у нее не было, поэтому все та же мадам Рощина, которой в свое время, похоже, досталась настоящая учительница в нелегком ремесле домоводства, показывала по сто раз самое простое, не утомляясь, не скандаля и, о счастье, весьма доходчиво. Но и после этого далеко не все ученицы выпускного класса могли похвастать умением просто пуговицу пришить или пелеринку разгладить.

До отрадного дня, когда в печах загудит веселый огонь и станет хоть чуть теплее, оставалось еще долгих две недели — строгая Матап педантично следила за тем, чтобы впервые печи топились только после Дмитрия, сиречь после Дня памяти святого Дмитрия Солунского. В Санкт-Петербурге, сказывали, градусник уже честно показывал минусовые температуры, Нева бралась льдом все пуще. Нынешняя начальница института во всем следовала примеру далекого Смольного, повторяя: рано еще, не следует воспитанниц баловать. Здесь, у теплого моря, конечно, морозов не было, но утра стояли сырые и стылые, протопленная печь очень была бы к месту. Упорство Матап мог преодолеть только преподаватель Закона Божьего, громогласный и рослый отец Димитрий.

— Матушка-наставница, — гудел он в бороду, — да разве ж сие похристиански? Уж до Рождества рукой подать, а в стенах учебного заведения, словно в карцере тюремном...

Однако Матап, как ни упорствовал отец Димитрий, пока держалась стойко. Девушки с нетерпением наблюдали, как на заднем дворе служитель и новый садовник кололи дрова, как складывали их поближе к двери для прислуги. Но наколотые дрова пока оставались под навесом. Заканчивался ноябрь. И если в дортуаре было просто холодно, то в умывальной зуб на зуб не попадал, а вода, казалось, обжигала.

— Терпите, машерочки, — всегда повторяла мадам Рощина. — От холодной воды прекрасный цвет лица и замечательно красивая кожа делаются.

Это была чистая правда — у мадемуазель Энгельгардт, которая стала мадам Рощиной, и в самом деле был чудесный цвет лица

и гладкая бархатная кожа. Огромные серые глаза освещали все вокруг, а две толстые косы пепельного цвета, которые она по давней привычке не собирала в затейливые прически, делали ее сверстницей своих учениц. А уж фигу-у-ура...

Тамара Накашидзе, высокая и склонная к полноте, раз за разом давала себе зарок, что будет каждое утро делать гимнастику, чтобы «походить на машерочку мадам Анастасию». Увы, по утрам никогда на это не хватало сил, а вот в родственные дни в институт частенько заглядывали земляки Тамары, передавая ей от приемного отца сласти и лакомства, которые вовсе не помогали удержать фигуру в рамках дворянских приличий.

Лиза торопливо умывалась и неторопливо размышляла. Обычно этот до странности страшный сон возвращался к ней в дни тревожные, чаще перед тяжелым и особенно неприятным экзаменом. Но сейчас-то отчего? До Рождества еще далече, а значит, и до экзаменов, из дому вести приходят спокойные, вернее, вовсе никаких вестей. Матушка шлет записочки пустые и веселые, кузены пишут из училища лишь о своих глупых мальчишеских проделках. Да и здесь, в институте, пока что не затевается никаких каверз. Удивительно, но даже с самыми вредными классными дамами установилось нечто поразительно похожее на перемирие.

Размышляла, но ответа не находила. Она решила, что недурно было бы посоветоваться с кем-то из «умных», перфеток... Но, с другой стороны, умные могут поднять ее на смех — на дворе-то конец просвещенного девятнадцатого века, а она о сне своем хочет посоветоваться, понять, что так тревожит ее душу. Хотя перфетки от глупого усердия поднимут ее на смех, а вот машерочки, по-настоящему умные и тактичные, помогут и высмеивать не станут.

— Да, душенька Журавская, — задумчиво проговорила Варя Гижицкая. — Непростой это сон, Христом Богом клянусь.

Варя перекрестилась. Вот уже второй год она и Катя Лорер усердно обожали преподавателя Закона Божьего и потому считались крупными специалистами во всем, что было связано с высшими силами и движениями души.

До начала урока — естествоведения, а не Закона Божьего — оставалось еще несколько минут. Девушки шушукались за высоким щелястым шкафом. Пусть и не весьма усердно, но в классах уже

топили, и поэтому секретничать здесь было куда уютнее, чем в дортуаре.

— И когда в первый раз тебе этот сон приснился?

Лиза честно задумалась. По всему выходило, что прошлым летом. Хотя, может быть, тот летний сон она просто лучше всего запомнила — ведь и вокруг их загородного дома в Крыжановке рос такой же пронизанный солнцем лесок. Мимо дома пролегла точно такая же дорога, а недалеко, возможно, в паре часов неторопливой ходьбы, уже ближе к лиману, незваных гостей и впрямь ждало болотце, издали выглядящее гостеприимной зеленой поляной.

— Так точно прошлым летом? Не осенью, не весной? — Гижицкая мертвой хваткой вцепилась в узкую руку Лизы. — Подумай как следует. И когда, если летом? В каком месяце?

— А это какое значение имеет? — Лиза удивленно взглянула в лицо подруги.

— Да я б и час, когда сон ты свой увидела, желала бы знать, а уж день недели и вовсе, несомненно, нужен. Как же иначе попытаться сновидение растолковать? И луна где была, знать надобно...

— Гижицкая, машерочка, зачем? И откуда ты все о снах-то знаешь?

— Журавская, душенька, — Варя покровительственно похлопала Лизу по плечу. — Чтобы внимание господина Годунова привлечь, ох как много разного знать-то надобно. Мы с мадемуазель Лорер вначале даже соперничать пытались, бороться за внимание Дмитрия Ильича, как кофульки какие безмозглые. То волос с его рясы снимем да делить пытаемся, то, стыдно сказать, хотели вырезать клин с подкладки пальто. Полгода как дурочки лапотные... А только потом, перед прошлым Рождеством, он сам нам сказал, что уважает тех людей, которые знают много, и что с девушкой, у которой голова пуста как горшок, он и разговаривать не станет. Как же нам его обожать, раз он говорить с такими не желает? Вот и решили мы, что следует нам и учиться лучше всех, и читать поболее многих. Просто чтобы он нас заметил.

Лиза кивнула — Гижицкая и младшая из сестер семейства Лорер и в самом деле за последний год неузнаваемо изменились: учились истово, всю немалую библиотеку институтскую перечитали. А ведь об учреждении да пополнении библиотек сама императрица Мария Федоровна радела — просветительница, о подданных что ни день

исправно пекущаяся. Мало того, трое из четырех старших братьев Аннушки Юшневской по очереди носили в институт книги — учебники университетские и просто из домашней библиотеки все, что под руку попадается. И попадалось, судя по всему, немало. Маман, видя такое усердие девушек и, как многие были уверены, зная его природу, в учебе нисколько их не ограничивала и даже повелела мадам Рощиной по первому же требованию выдавать новые тетради, дабы девушки могли все необходимое записывать.

«Ну что ж, надо так надо...» Лиза присела на подоконник, что делать было не просто категорически, а строжайше запрещено, и задумалась. Да, должно быть, в самом начале летних каникул, возможно, через неделю или через две после того, как ей повезло сменить институтские стены на родной дом... Повезло потому, что за ней самолично приехала матушка и забрала вместе с вещами в имение, написав в огромной книге начальницы, что берет дочь под свое покровительство на все каникулярные дни до двадцатого числа августа месяца одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года.

Конечно, о таком Лиза и мечтать не смела — чтобы на все каникулы да прочь из постылых институтских стен. Однако госпожа начальница затеяла перестройку зимнего сада и корпуса с дортуарами, и потому всех, кого могли забрать родные, под подпись отдала. А вот тех, кому до родного дома ехать было далече, отправили на казенную дачу — была и такая. Старое поместье в Люстдорфе, оставленное госпоже начальнице, ее высокопревосходительству мадам Чикуановой, ее дядюшкой, Маман превратила в летний дом для пансионеров. Девушки из старшего класса прошлой зимой рассказывали, что дача была вовсе не казенная, начальница в свой дом пускала институток, однако содержание дачи приходило от казны. Одним словом, пансионерки летом отправились на казенную дачу, а одесситки вернулись на пару месяцев в семью.

Первые несколько дней Лиза гуляла по загородному дому так, словно не была здесь никогда, — вспоминала запах из кладовой при кухне, ароматы матушкиных саше, скрип калитки за цветником, ощущение бесконечности при взгляде на всегда спокойное море, особенно прекрасное, если смотришь на него из окон библиотеки... Да, верно, а когда вспомнила все тропинки, что вели прочь из поместья, вернулась в дом, решив устроить долгую прогулку по

второму этажу, где никто не жил, — со времен матушкиного деда здесь были курительные, огромная библиотека и бильярдная. После смерти отца в бильярд играли редко, только когда кузены-близнецы приезжали погостить, в доме никто не курил, лишь иногда матушка заходила за новым романом. Так что весь огромный старый дом в минуты одиночества принадлежал ей, Лизе.

Паркет в библиотеке был темно-шоколадным, кресла и козетки обиты неярким английским ситцем, высоченные шкафы закрыты цветными стеклянными дверцами. Дедушкин брат старался подражать Михайле Ломоносову, изобретал рецепты цветного стекла, а бабушка решил, что плодами упражнений дядюшки не грех будет украсить библиотеку.

Одним словом, теперь это было целое королевство мечтаний, отданное Лизе на два долгих месяца. Более того, девушку никто и не искал... Да, так и есть, тогда уже смеркалось, она уснула прямо над книгой в огромном кресле. Шумело море вдалеке, собирался дождь, слегка качался огонек в лампе на столе, тикали огромные часы в углу.

— Машерочка, это был конец июня... Я еще слышала далекий-предалекий звон. Быть может, близилась полночь, а быть может, только что наступила...

— Вот умница, душенька! — Гижицкая всплеснула руками. — Во время урока я запишу, а после занятий посмотрю, какой была в то время луна.

— И сможешь объяснить, что значит мой сон?

— Я постараюсь, — собеседница Лизы пожала плечами. — Отец Дмитрий много раз повторял, что толкование сновидений, все эти заговоры-наговоры — суть бесовские наваждения. Однако изучать их никогда не запрещал, считая все проявления человеческой природы, а значит, и сны тоже, отражениями борьбы дьявольского и божественного в человеке. Для того чтобы божественное поддержать, с дьявольским разделаться надо. Но «врага следует знать в лицо».

— Господин Годунов в прошлом военный, — кивнула Лиза.

— Ах, душенька... Как бы он был хорош в мундире...

— Гижицкая, дружок, да он и так хорош невыразимо. Думаю, ежели б он хоть раз появился перед тобой да Лорер в статском платье, вы бы замертво от ажитации упали.

— Быть может, и упали бы. — Гижицкая искоса посмотрела на Лизу.
— Однако не у всех столь прекрасные предметы для обожания.
Надеюсь, ты не хочешь тоже обожать отца Димитрия.

— Мне хватает и одного его предмета, — расхохоталась Лиза, раскрывая учебник, ибо звенел звонок к уроку. — Закон Божий столь затейлив, что на его преподавателя сил уже недостает.

Гижицкая улыбнулась в ответ и тоже опустила глаза к книге. Лиза права — предмет непрост, а чтобы привлечь внимание батюшки, надо знать его в совершенстве. Предмет, конечно... Хотя Варя с удовольствием познакомилась бы ближе и с преподавателем...

[1](#) Матушка — здесь: начальница института (от фр.). (Здесь и далее примеч. автора.)

Глава вторая

Поздняя осень в Одессе выдалась просто прекрасная: почти половина Великого поста прошла в тепле. Солнышко играло последними, чудом уцелевшими листочками, в роскошном саду вокруг института вдруг поднялись поздние астры, о ночных заморозках даже и не думалось. Разве что соленые ветры время от времени напоминали, что осень вот-вот повстречается с зимой.

Преподаватель естественных наук, которому повезло в молодые годы общаться в полевом госпитале с великим Пироговым, не мог не польститься на позднее осеннее тепло — он выводил своих учениц в сад и вел уроки среди облетающих деревьев. Девушки кутались в казенные накидки, зябли, но в классы на следующие лекции возвращались неохотно — уж слишком сильным было ощущение свободы, которое им дарило высокое белесое небо.

Да и лекции адъюнкт-профессора Яворского были необыкновенно интересны. Иван Акимович совмещал преподавание в институте благородных девиц с работой в университете, где читал будущим медикам курс о ранениях, полученных в результате боевых действий, сиречь курс полевой хирургии. Девицам же, казалось бы, курс естественных наук, да еще и такой глубокий, какой вел профессор Яворский, был вовсе не нужен. Зачем, скажите на милость, дочери генерал-губернатора или племяннице наместника знания о составе крови или о работе системы пищеварения, ежели у нее будет столько слуг и врачей, сколько потребуется?

— Вы не правы, батенька, — спокойно возражал профессор своим оппонентам. — Сколько бы ни было врачей, но болеет каждый человек сам по себе. И не бояться некоторых явлений, например, вида крови, бывает чрезвычайно полезно... А ежели занедужит супруг нашей выпускницы? Разве не прекрасно будет, когда она сможет оказать ему первую помощь? Разве не исполнится его сердце благодарностью? Разве не проникнется он уважением к своей супруге, не обретет радость оттого, что именно благодаря ей здравствует да полон сил?

Собеседник, как правило, сникал — в словах профессора была истина. Дамы-наставницы обычно не находили в себе сил

присутствовать на лекциях Ивана Акимовича — уж очень неприятными и даже «невоспитанными» были предметы его рассказа. Однако девушки-ученицы слушали лекции с удовольствием, учились с колоссальным интересом и на экзаменах всегда отвечали блестяще — им-то соображения благовоспитанности не мешали понять, что остановить кровотечение из раны не стыдно, что головную боль следует лечить, а в душных помещениях может случиться обморок вовсе не от голубизны крови дамы, в сей обморок упавшей. Кроме того, события последних лет, начавшаяся война с турками, изнурительная и папахивающая безнадежностью, сильно изменили понятия о дозволенном.

Да и слава о неугомонной Флоренс Найтингейл² давно уже достигла России и даже преодолела стены института благородных девиц. (Скажем шепотом, что этому немало способствовал сам господин Яворский, высоко ценивший пример, который подала эта скромная англичанка.) Единственным оппонентом в преподавании естественных наук был старый отец Феоктист, прежний преподаватель Закона Божьего, утверждавший, что все болезни суть отсутствие надлежащего усердия в молитвах, что все в руках Божьих и не следует препятствовать Его промыслу. Возражения о том, что Господь дарует знания и именно поэтому не грех ими пользоваться, разбивались об ослиное упрямство старика и, не будем греха таить, о чудовищное самомнение: отец Феоктист был твердо убежден, что более, чем знает он, знать никто не может, а потому все остальные говорят глупости и чинят, само собой, только безумные поступки.

Неведомо, сколько бы еще продолжалось воинственное служение отца Феоктиста, если бы не начало войны с турками. Престарелый преподаватель стал на уроках говорить девицам, что война послана как наказание за грехи стран и властителей, что нужно молиться и терпеть, а вот воевать не следует, равно как не следует и душой за воинов болеть. Классные дамы, конечно, ушам своим не верили. Однако подобные речи продолжались и звучали не только на лекциях, но и в преподавательской за общим полуденным чаем. И вот это уже выдержать было невозможно, да и непатриотично. Матан редко присутствовала на таких застольях, а потому поначалу не поверила рассказам классных дам. Однако всего раз послушав горячую речь отца Феоктиста, тут же от него избавилась. Монастырь на далеком

Большом Соловецком принял отца Феоктиста в свои объятия, а вот Одесский институт благородных девиц почти полгода искал преподавателя, достойного нести Слово Божье в нежные девичьи сердца.

О новом наставнике мы уже упоминали, как упомянем еще и неоднократно. Сейчас же следует сказать, что после того как отец Феоктист покинул стены института, профессор Яворский свой курс лекций значительно расширил, включил в него даже понятия о санитарии. Его единомышленницей стала госпожа Фролова, преподавательница домоводства. Многие из того, о чем рассказывал профессор, находило в ее предмете замечательное подтверждение, и старшие ученицы поначалу с большим удивлением замечали, что естественные науки не столь далеки от повседневности, что тесты правильно восходят благодаря тем же законам, по коим движется и сама жизнь на планете.

Подобное усердие в преподавании было одобрено самим Григорием Григорьевичем Маразли, исправляющим должность городского головы, и профессор получил возможность не только учить за казенный кошт свою старшую дочь, но и обрел высоких покровителей в лице попечительского совета института. Госпожа Чикуанова, рассказывали, уведомила об этом саму матушку императрицу во время личной аудиенции, и ее величество одобрила изменения, пришедшие в преподавание естественных наук вместе с профессором Яворским.

Вот поэтому каждый денек этой теплой осени и проводил в саду старший, выпускной класс института.

— Ну те-с, милые барышни, приступим к опросу. Вчера и третьего дня мы с вами наблюдали погодные явления, не весьма, однако, все же характерные для календарной осени. Итак, кто сможет мне ответить, что характерно для наблюдаемых нами осенних дней, а что является уникальным?

Девушки стали переглядываться. Да, профессор был отличным преподавателем, но не он учил их наблюдать и делать выводы. Вернее, он-то и начал учить, он поощрял и наблюдения, и размышления об увиденном. Однако большинство учителей довольствовались просто заученными параграфами из учебников.

— Быть может, вы, госпожа Лорер?

Высокая Саша Лорер сделала шаг вперед. Она не была в числе любимиц профессора, но, безусловно, выделялась умением широко мыслить, которое так ценил в своих ученицах профессор. («Ах, мои дорогие, — говаривал он дома, — как же трудно расшевелить этих девиц! И умненькие они, и учиться им нравится, а вот убедить, что разумная девица куда более симпатична кавалеру, чем девица глупая, я еще не смог...»)

— Уникальным, господин профессор, мне кажется тепло, которое нас окружает. До Рождества месяц с небольшим остался, а на клумбах цветы зацвели. Так, поди, и почки вновь скоро появятся.

Профессор улыбнулся. Да, не зря он так любит своих учениц-институток (зачастую даже более, чем своих студентов-медиков). Девушки и мыслят порой куда шире, а уж если им чуток свободы подарить — просто раскрываются волшебными цветами.

— Вы правы, Александра, вы правы. Удивительно тепло этой осенью... Что еще?

Лорер опустила глаза — сказать ей было нечего, но сама дорожка под ногами дала подсказку.

— Все, что с таким невиданным теплом связано: реки и ручьи текут, как летом. Тетушки писали, что и в столице ни снежинки не выпало. Птицам и зверюшкам пропитание найти нетрудно...

— Верно, все верно.

Мадам Рощина, классная дама первого класса, улыбнулась — умеет профессор расшевелить учениц, умеет. Да и слава богу, девушки заслуживают и пристального внимания, и усердных наставников, и просто хорошего к себе отношения. Положа руку на сердце, мадам Рощина считала своих выпускниц лучшими за все годы ее преподавания (она служила классной дамой не так долго, всего девять с небольшим лет, но сама-то была смолянкой, многое повидала). Многих дочерей из именитых родов встречала она в стенах института, но еще никогда столь разумные и смелые девушки не собирались в одном классе. Удивлялась мадам Рощина и тому, как необыкновенно дружны ее ученицы, как сочувствуют они друг другу, как радуются успехам. Причем, что вовсе уж удивительно, непритворно, искренне радуются, равно как и искренне пытаются помочь в беде.

Вот и сейчас — Александра отвечает, а Екатерина, ее сестрица, кивает и улыбается, радуется ответу. И Лизанька Журавская, улыбаясь,

тоже кивает едва заметно — дескать, ты молодец, Саша, все правильно, не тушуйся. Варенька Гижицкая подставляет лицо солнечным лучам — она не здесь и не сейчас, однако всей душой рядом с подругами и от этого получает удовольствие. А уж Машенька-то Бирон, Августина Анхильда Мария, прапра...внучка, одним словом, того самого Бирона, всеильного герцога, любовника, как гласит легенда, императрицы Анны Иоанновны, просто глаз не сводит с Саши, кивает истово.

Тут мадам Рощина невольно улыбнулась: Машенька служит гувернанткой у профессора, служит по особому, самой императрицы, дозволению — и для того, чтобы заработать, и для того, чтобы одиночество развеять. Несчастливая девушка не только давным-давно оторвана от семьи, услана из обеих столиц сюда, в теплую Одессу («с глаз долой», как рассказывала мадам Чикуанова, повествуя о судьбе девушки), но еще и осиротела, пяти месяцев не прошло, последнего члена семьи лишилась, брата старшего. Теперь профессор и его семья да институт — все, что у нее осталось.

Злые языки в учительской шептали, что Машенька к профессору испытывает более чем нежные чувства, да и профессор, сказывают, тоже. Однако их отношения пока что суть отношения учителя и ученицы. Бог его знает, каково на самом деле. Однако Маша на что-то показывает Саше Лорер, дескать, вот, обрати внимание.

— Мадемуазель Бирон, — вполголоса проговорила Рощина, — прекратите мадемуазель Лорер подсказывать. Профессор ей и сам поможет. Не дело девице ваших кровей вести себя, как гусар в трактире.

— Простите, Анастасия Вильгельмовна, — едва заметно понурилась та. — Я больше не буду...

— Будете, душенька, будете. Только старайтесь делать это не так явно. И выбирайте моменты, когда вашим подругам и в самом деле помощь требуется. А нынче просто послушайте мадемуазель Александру.

Маша кивнула молча, да и что толку спорить с мадам Рощиной, когда она кругом права. «И подсказывать будем, и не очень обращать внимание на учителей. А то, что Саша дело говорит, неудивительно. Не дура же она в самом-то деле. Да и к естественным наукам склонность имеет. Не зря господин профессор третьего дня за чаем

сетовал, что среди его студентов куда как мало столь способных девиц и юношей и что даже усердные в учении далеко не так умны, как институтки. «И вы, Машенька, и ваши подруги по классу — вы все просто мечта преподавателя, его самый сладкий сон...»

Мария покраснела. Ох, как бы ей хотелось, чтобы она и в самом деле была самым сладким сном профессора Яворского...

Тем временем мадемуазель Лорер-старшая («на целых двадцать минут старше, душеньки, на целых двадцать минут!») закончила отвечать.

— Отлично, мадемуазель. Вы заметили самое главное и смогли сделать выводы. Я доволен вашим ответом. А теперь, барышни, кто мне скажет, что общего в нынешней осени и осени, предположим, прошлой?

К удивлению многих, да и профессора в том числе, подняла руку Лиза Журавская. Девушка была отличницей все годы обучения, от самого первого дня, однако многие преподаватели сокрушались, что берет она не столько разумом, сколько упорством да усидчивостью. Но вдруг девушка изменилась? (Многие преподаватели лелеют в душе мечту, что их ученики разом вдруг поумнеют и изучат предмет в совершенстве.)

— Общим остался ход светил, профессор, — начала ответ Лиза. — Точно так же, как прошлой осенью, да и позапрошлой, да и десять лет назад, солнце ниже поднимается над горизонтом. Светила в ночном небе тоже изменили свое положение, ибо планета идет раз и навсегда указанным путем. Точно так же, как и прошлой осенью, и позапрошлой, улетели в теплые края перелетные птицы. Должно быть, собирается залечь в спячку и медведь... ежели, конечно, берлогу обустроит где-нибудь севернее и снег там найдет.

Профессор усмехнулся словам девушки. И ответила, и правильно ответила, и сразу на два вопроса. Да, ему бы таких студентов... Ох, какими бы сладкими да радостными были дни на кафедре!

— Все верно, мадемуазель Журавская. Космическим явлениям погодные катаклизмы не указ. Да и разве сие есть катаклизмы? Придет и в наши края зима, пусть и малоснежная, мягкая... Ежели со столицей или Москвой сравнивать. И не вспомним мы следующей весной, как радовались погожим осенним денькам.

— Вспомним, профессор, — робко возразила Маша Бирон. — Разве не вспоминали мы позавчера, каким было нынешнее лето и чем оно отличалось от лета прошлого?

— Вы правы, мадемуазель Бирон, правы. Напомните, о чем мы тогда беседовали?

— О том, как реки питают озера, как подземные воды питают болота и как образуются топи и зыбучие пески.

«Да, душенька, об этом мы и беседовали. А еще я отчего-то подумал, что с удовольствием пригласил бы тебя в семейное наше имение под Полтавой, где не бывал... да уж, почитай, три года, с тех пор как моя Марьюшка умерла. Подумал, что тебе бы понравились сады и речушка, что бегала бы ты по выгону и смеялась бы так же звонко, как Танюшка, моя старшенькая...»

— Но отчего мы вспомнили о подземных водах? Отчего заговорили о болотах?

— Из-за того, что перед этим заметили, что зима перед прошлым летом была, на удивление, изобильно снежной. Что снег, растаявши по весне, не только пополнил собою реки да ручьи, но также и обогатил воды подземные, подняв их уровень. А посему при прогулках по песчанистым почвам, по весне особенно, хотя и летом тоже, следует быть осторожными, ибо зеленая полянка на поверку может оказаться болотцем или песком зыбучим, где и зверюшка мелкая могилу найдет, да и человеку не поздоровится.

— Верно, мадемуазель, все верно.

— Болото... Пески... — В глазах у Лизы помутилось.

Эти два простых слова опять ввергли ее в водоворот ужаса, из которого она с таким невероятным трудом выбралась поутру. А теперь снова перед ее глазами была деревянная стенка брички, спереди, с облучка, опять доносился гнусавый, с издевкой голос, и огромная зеленая поляна между высокими соснами манила и пугала одновременно.

Девушка опустила на скошенную и изрядно привядшую траву, трясущейся рукой попыталась развязать двойной бант, которым была стянута у горла накидка. Ноги ее не держали, в ушах звенело, вместо осеннего сада перед взором плясали цветные круги, и отчего-то сильно пахло пионами, которым неоткуда было взяться в ноябре на клумбах или куртинах.

Обморок у семнадцатилетней девицы... Что может быть более естественным? Однако институтки заметно перепугались, струхнула и мадам Рощина, ведь ее ученицы вовсе не были оранжерейными цветками. Растерялся, пусть и всего на миг, даже профессор. Однако уже в следующее мгновение он пришел в себя и стал тем, кем был когда-то, — полковым врачом, вытаскивавшим раненых прямо из-под пуль.

— Маша, приподнимите Лизе голову. Да хоть шляпку подложите, что ли... Да, так лучше. Давайте вместе повернем ее на спину. Нет, не надо воды, она не поможет. Ну что вы, душеньки, перепугались? Страшно-то отчего? Обморок, кровь от головы отлила... всего-то! Сейчас все будет в порядке.

Профессор отбросил трость, на которую опирался, осторожно опустился на колени рядом с Машей Бирон и потянул тело Лизы на себя, так чтобы поднять повыше голову и плечи.

— Маша, давайте вашу шляпку. Нет, лучше сами обмахивайте лицо Лизы. Да, вот так, не очень сильно. Мадам, отведите девушек в класс — урок, пожалуй, можно считать оконченным. Мы вас догоним.

— Нет-нет, Иван Акимович, мы останемся и поможем вам.

Профессор поморщился — случай был рядовым, хрестоматийным. И помощь никакая не нужна была, просто несколько минут — и девушка сама, безо всякой суеты пришла бы в себя. Но этот класс сильно отличался от всех прочих. Опять же, выпускниц следовало готовить ко всему, что могло случиться в жизни.

— Хорошо. Анна, да, вы, бегите к доктору Фомину за нашатырем в лазарет. А вы, Александра, начинайте осторожно растирать Лизе щеки. Можете и уши захватить. Не сильно, но так, чтобы кожа покраснела. Да, вот так...

Девушки послушно исполняли все указания профессора, особенно Анна Юшневская, которая здорово испугалась и была рада, не показав своей трусости, помочь подруге.

Веки Лизы дрогнули, бледность отступила, глубокий вздох показал, что девушка приходит в себя.

— Ну вот и хорошо, душенька, — проговорил профессор едва слышно. — Умница. И нашатырь не понадобился.

— Что со мной?

— Уже все в порядке, Лиза, — ответила мадам Рощина, тоже стоявшая на коленях рядом с профессором. — Вам стало дурно, должно быть, погода все-таки будет меняться. Голова сильно кружится?

— Совсем не кружится, — немного недоуменно ответила девушка и попыталась сесть.

Профессор придерживал ее за плечи, но видел, что в этом уже нет необходимости — Журавская полностью пришла в себя и могла не только встать, но и вполне самостоятельно добраться до классной комнаты и до своей парты.

(Тут придется упомянуть, что порядок в институте был весьма жестким — девушкам не позволялось днем ложиться на свои кровати ни в каком случае, даже садиться было строжайше запрещено. Лежать разрешено было только в лазарете, однако отчего-то девушки не торопились туда попадать. А если речь шла об обмороке... О, такой пустяк лечили прямо в классных комнатах, стараясь, правда, чтобы об этом не проведала госпожа начальница или доктор Фомин. Так уж получилось, что врач в институте был отличный — умница, эрудированный специалист, спокойный до меланхолии и педантичный до мелочей. Однако рьяный противник корсетов, без которых ни одна дама не мыслила своего существования и, конечно, ученицы старших классов тоже. Доктор Фомин дважды писал прошение на высочайшее имя, дабы запретить ношение корсетов во всех учебных заведениях для девушек, а особенно в институтах благородных девиц, и оба раза прошения возвращались без удовлетворения, ведь институтки были надеждой нации, будущими женами титулованных особ. И чтобы герцогиня или баронесса, графиня или наследница царских кровей не соблюдали веяний моды... Нет, подобного скандала ни начальница института, ни дамы из попечительского совета представить себе не могли.)

Лиза осторожно поднялась на ноги. Земля под ногами уже не качалась, небо приобрело прежний цвет, а голоса подруг вновь звучали привычно негромко.

Тогда с колен встал и профессор. Обмахнул брюки шелковым носовым платком, протянул руку и помог подняться на ноги госпоже Рощиной, проследил, чтобы Лиза в компании подруг ушла чуть вперед по дорожке.

— Анастасия Вильгельмовна, проследите за Журавской. Не думаю, что она захворала, однако среди тихого дня даже самые нежные девицы просто так в обморок не падают. Быть может, вы правы и скоро похолодает, быть может, какие-то переживания задели нежную душу. Однако мне показалось, что что-то в сегодняшнем уроке выбило Лизу из колеи.

— Непременно прослежу, Иван Акимович, — кивнула госпожа Рощина, не меньше, чем профессор, озадаченная Лизиним недомоганием.

У выхода из учебного корпуса задребезжал звонок — сторож, охранник и истопник Федотыч даже высунулся в сад, чтобы треньканье было слышнее.

— Что ж ты, Федотыч, тужурки не надел? Простынешь ведь!

— Ничего страшного, матушка, не простыну. Вон, девицы-то наши целый час гуляли, и ничего — все румяные, веселые. Что ж мне-то простывать рядом с такой красотой? Чай, не старик я, кровь от одного вида наших воспитанниц по жилам быстрее бежит!

Мадам Рощина рассеянно кивнула. Мысли ее были далеки от говорливого Федотыча и начищенного до блеска латунного звонка.

2 Флоренс Найтингейл (1820—1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. (Примеч. ред.)

Глава третья

Н-у-с, машерочка, а теперь расскажи-ка, что это с тобой сегодня приключилось!

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ